

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ И СЕМЕЙНОЕ ПРЕДАНИЕ

Из истории появления фамилий у русского провинциального духовенства XIX века¹

Галина Зыкова
(Москва)

Публикатор воспоминаний часто сталкивается со случаями, когда попавшие в его распоряжение материалы, – например, семейное предание – противоречат тому, что сообщается в официальных документах. Иногда материалы частной, семейной истории оказываются единственным (и, как правило, случайно сохранившимся) источником, позволяющим заполнить лакуны, обнаруживающиеся в истории *официальной*.

Ниже будут предложены впечатления филолога, вынужденного при подготовке мемуарного текста к публикации комментировать вещи, связанные с весьма специальной областью – с историей русского духовенства (преимущественно провинциального) XIX – XX вв. Для узкого специалиста в неполноте *официальных* данных, смущавших комментатора, видимо, нет ничего неожиданного.

Автор мемуаров², о которых пойдет речь, – Дмитрий Иванович Журавлев (1901–1979), ближайший родственник известного историка русской литературы Анны Ивановны Журавлевой. Ему посвящены многие стихи Всеволода Николаевича Некрасова. Именно в этом качестве он может привлечь внимание филолога. Однако воспоминания Д. И. Журавлева

интересны и вне зависимости от биографических связей их автора. Они посвящены подробному описанию жизни духовенства Рязанской губернии XIX – начала XX вв. (вплоть до 1917 г.) и ценны как историческое свидетельство, при том, что по своему предмету они не уникальны. Воспоминания о провинциальном быте духовенства в последнее время обнаруживаются и печатаются все чаще. Но именно о Скопине и уезде среди опубликованного, насколько удалось понять, нет почти ничего. Наконец, воспоминания Журавлева – хорошая книга для чтения, но здесь они будут обсуждаться только в одном и очень частном аспекте: как один из многих возможных источников, свидетельствующих о сложной истории появления фамилий у русского духовенства.

Известно, что еще в начале XIX в. провинциальное духовенство, по своему быту очень близкое к крестьянству, не имело постоянных родовых фамилий. Фамилии часто присваивались в семинарии и так произвольно, что, например, родные братья могли получить разные. Историк церкви Михаил Сергеевич Извеков отмечал, что без дополнительных данных постороннему наблюдателю-историку невозможно оценить степень родства между людьми из духовного сословия (см.: Извеков 1901: 625–630).

В случае с родней Д. И. Журавлева запутанная картина выглядит так: мемуарист сообщает, что «вначале» (т. е. в XVIII в.) фамилия деда по отцовской линии была Алмазов: «Но в семинарии мудрое начальство спросило – откуда, и узнав, что из Журавинки, изрекло: ты будешь Журавлев. Это рассказывала бабушка. Но о Федоре <1797–1877> или Максиме <1756–1836> – не могу сказать».

Между тем никаких следов Алмазовых в Журавинке-Лопатине в «Ведомостях о числе церковных служителей и их семейств» Скопинского уезда, сохранившихся в архиве Рязанской области, найти не удалось. В списках окончивших Рязанскую духовную семинарию с 1816 по 1840 гг. (см.: Агнцев

¹ Статья написана в рамках проекта «Социокультурная история литературы: метод и инструментарий» лаборатории «Кросс-культурная история литературы» Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Текст не завершен; Д. И. Журавлев работал над ним в 1960-х – 1970-х гг. вплоть до предсмертной болезни.

Галина Зыкова

1889) нет не только Алмазовых, но и Журавлевых³, то есть никаких «переименованных». Откуда взялось дошедшее до потомка уже в XX в. предание о потерянном семейном имени?

Понятно, что запись в официальном документе может быть прочитана – если речь идет о временах, когда человек еще мог и не иметь устойчивой фамилии в современном смысле слова – по-разному, и документ сам по себе не дает данных о том, как его надо читать. Так, предок нашего мемуариста в 1830-х и 1840-х гг. подписывался в «Ведомости о числе церковных служителей и их семейств» по-разному: в 1833 г. – «диакон Федор Максимов <из семейного «Помянника» ясно, что это сын Максима. – Г. З.> руку приложил»⁴, в 1848 г. – уже «диакон Федор Журавлев»⁵ (записи в ведомости, касающиеся села Журавинки). Только семейный «Помянник» позволяет понять, что это один и тот же человек.

Несколько отвлекаясь от собственного материала, позволим себе здесь сослаться на высказанное в устной беседе с Андреем Сергеевичем Федотовым наблюдение, касающееся одного случая слишком прямолинейной интерпретации документа, подобного названным выше «Ведомостям». Недавно в московских метрических книгах была повторно обнаружена запись о смерти первой жены А. Н. Островского Агафьи Ивановны (1867), где она именуется «Агафьей Ивановой». Сделавшая находку С. Н. Кайдаш-Лакшина считает, что теперь мы узнали фамилию человека, столь важного для Александра Николаевича (см.: Кайдаш-Лакшина 2012). В посвященной Островскому энциклопедии в статье об Агафье Ивановне зафиксировано как уже твердо

³ В этих списках упомянут Иван Журавлев, учившийся в 1830–1832 гг., – видимо, однофамилец, так как в «Помяннике» семьи Журавлевых, который начали вести (предположительно) с 1787 г., упоминаний об Иване Журавлеве нет.

⁴ ГАРО, ф. 636, оп. 1, № 43, л. 28.

⁵ В ведомости за 1851 г. такая же подпись с примечанием о полученном образовании: «Из Высшего отделения Рязанского училища» (ГАРО, ф. 636, оп. 1, № 43, л. 74).

установленный факт: «урожд. Иванова» (см.: Орлова 2012: 12). Между тем, как замечает А. С. Федотов, у нас нет данных, чтобы судить, что такое «Иванова» – фамилия или отчество. Учитывая социальный статус Агафьи Ивановны, даже более низкий, чем у деревенского дьякона, можно предположить, что перед нами обычная для эпохи и социальной среды форма записи отчества в метрической книге.

Происхождение семейной фамилии мемуариста по другой линии еще запутаннее и представляет интерес не только как частный случай общей истории обретения фамилий. Из этой семьи вышли значительные для русской церкви люди: наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Павел (1827–1904)⁶ и игумен Саввино-Сторожевского монастыря Феофан (1831–1897)⁷ – братья бабушки мемуариста. По-видимому, им

⁶ О происхождении архимандрита Павла обычно сообщается, в том числе и в некрологе, что его отец (прадед Дмитрия Ивановича) был дьяконом города Скопина (см.: Архимандрит Павел: 128). На самом деле Иван Петрович был дьячком села Корневого. Случайная ошибка? Или сельский дьячок – слишком уж темное происхождение для наместника Лавры, и его биографию постарались немного приукрасить? Он числится в списках окончивших Рязанскую духовную семинарию как ученик 1 класса высшего отделения второго разряда в 1836–1838 гг. (см.: Агнцев 1889: XLI). С семнадцати лет (или восемнадцати; источники расходятся) был послушником Саввино-Сторожевского монастыря под руководством своего двоюродного деда, игумена Николая; стал иеромонахом, исполнял обязанности казначея. С 1876 г. перешел в Ярославскую епархию (был экономом архиерейского дома); в 1887–1891 гг. – настоятель Толгского монастыря («привел <...> после сорокалетнего запустения во вполне благоустроенный вид»; МЦВ: 128. Здесь и далее орфография цитируемых источников модернизирована автором. – *Ред.*). С 1891 г. – наместник Троице-Сергиевой Лавры (занимал эту должность, в частности, во время празднования пятисотлетнего юбилея Лавры); строитель Зосимовой пустыни; здесь же и был погребен в храме Смоленской иконы Божией Матери рядом с правым клиросом (в советское время могила разорена грабителями).

⁷ С 1888 г. игумен Саввино-Сторожевского монастыря, с 1892 – архимандрит, с 1895 – игумен Дмитровского Борисоглебского монастыря. Дата смерти (31 декабря 1897) известна только по семейному «Помяннику» Журавлевых и названа в воспоминаниях Дмитрия Ивановича. Некролог не найден, на надгробной плите в Борисоглебском монастыре фрагмент с указанием года смерти утрачен. Однако

же приходились близкой родней мать Евгения (Екатерина Алексеевна Виноградова), последняя игуменья кремлевского Вознесенского монастыря⁸, и о. Николай, наместник Саввино-Сторожевского монастыря в 1845–1856 гг. (фамилия, если была, и светское имя неизвестны)⁹. Из этой же семьи происходит Николай Дмитриевич Виноградов (1868–1936) – историк филологии, психолог, теоретик педагогики¹⁰.

Бабушку, мать отца, мемуарист называет Настасьей Ивановной *Глебовой* (в девичестве; по мужу Журавлева), а вот отца ее называет Иваном Петровичем *Корневым* (что странно

сохранился фрагмент с указанием возраста скончавшегося – единственное указание на год рождения.

⁸ Единственное свидетельство о ее происхождении – воспоминания Д. И. Журавлева. В послужном списке на 1917 год сказано глухо: «дочь диакона» (см.: ЦГИАМ, ф. 203, оп. 763, д. 143, ч. 6, лл. 355–358 об.).

⁹ Историка Саввино-Сторожевского монастыря о родстве о. Николая и о. Павла, наместника Лавры, видимо, не было известно. Во всяком случае, в сопровождаемом библиографическими ссылками перечне настоятелей и наместников монастыря (см.: Седов 2007: 192) не указана публикация, содержащая наиболее подробные (хотя и очень скудные) сведения об о. Николае – составленный арх. Пименом, настоятелем посольской церкви в Риме, биографический очерк «О. архимандрит Павел, наместник Свято-Троицкия Сергиевы Лавры». Позволим себе процитировать этот вполне доступный, но в библиографическом смысле несколько затерявшийся источник: «Отец наместник Николай, уже преклонных лет, был старец смиренномудрый и добрый, но нрава довольно крутого и строгий подвижник, который относился к монашеству с большим вниманием и не довольствовался точным соблюдением и исполнением монашеских правил и устава; он еще и добровольно подвергал себя различным подвигам и лишениям, в которых и послушнику Петру приходилось быть постоянным участником. <...> в 1856 году <...> о. Николая <...> перевели строителем в Троицкий Бело-песоцкий монастырь, что на Оке, напротив гор. Каширы. Там старец находился настоятелем до самой своей кончины; но умереть пришлось ему не в монастыре, а в Москве в больнице (22 авг. 1862 г.)» (Пимен 1892: 438–439). О. Николай был похоронен на кладбище Покровского монастыря в Москве (уничтожено).

¹⁰ Н. Д. Виноградов окончил Московскую духовную академию и Московский университет (историко-филологический и естественный факультеты); редактор философского отдела «Критического обозрения» (1907–1909); преподаватель Московских высших женских курсов; в 1919 г. – декан исторического факультета МПГУ, профессор 2-го МГУ. Труд Виноградова об эмпиризме Д. Юма переиздан в 2011 г.; похоронен на Новодевичьем кладбище (4 участок, 9 ряд).

с точки зрения современного человека). Он – «дьячок церкви в с. *Корневом*», сын священника Петра (о котором ничего не известно). И действительно, в «Ведомости о числе церковных служителей и их семей» за 1848 год отчетливо читается: «руку приложил» «дьячок Иван Петров Корнев»¹¹. То, что у дочери «Корнева» в девичестве фамилия Глебова, – странность, но это не ошибка мемуариста: уже официальные источники называют именно Глебовыми ее братьев Павла (см. упомянутый выше некролог, а также разные очерки истории Троице-Сергиевой Лавры) и Феофана¹². При этом фамилию «Глебовы» вместо «Корневых» братьям не могли дать в семинарии: мемуарист не только называет Глебовой бабушку, но и пишет о ее младшем брате: «Григорий категорически отказался учиться <...> под фамилией Глебов приписался к крестьянскому обществу в Новикове».

Почти единственный вывод, который, как нам кажется, можно здесь сделать, – «Корнев» воспринималось не как фамилия, а как простое указание на место: «люди из Корневого»; именование Глебовыми воспринималось не как акт перемены фамилии, а как ее первоначальное присвоение. Когда это произошло? 18 ноября 1846 г. указ Синода запретил произвольно менять фамилии лиц духовного происхождения, предписав, чтобы «дети сохраняли фамилии своих отцов» (Руководственные указы: 173)¹³; Николай Петрович подписывался как «Корнев» в 1848 г., уже после указа; Анастасия Николаевна выходила замуж как Глебова в 1858 г.

Еще один случай странного именованья, зафиксированный в мемуарах Д. И. Журавлева, касается уже не лица из духовного сословия, а крестьянина, и произошел он в более позднее время:

¹¹ См.: ГАРО, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 43, л. 7.

¹² Наместник Саввино-Сторожевского монастыря; в 1886–1895 – архимандрит Феофан (Глебов Борис) (см.: Седов 2007: 193).

¹³ Об этом указе мемуарист – не историк, а физик, довольно редко обращающийся в своих воспоминаниях к помощи специальной литературы, – говорит как о важном и памятном для духовенства. По-видимому, неустойчивость родового имени болезненно переживалась.

До смерти дедушки землю в поле обрабатывал исполу Михаил Маркин. <...> в конце 90-х годов Михаил Маркин в семье был близким человеком. <...> Его фамилия Назаркин, Маркин – прозвище, не помню точно – кажется, по отцу. Он умер 23 января 1926 г.

Мы видим, что в Журавинке Скопинского уезда в конце XIX века фамилии у крестьян были «для документа», но не всегда воспринимались как *настоящее* имя: прозвище «Маркин» употребительно, а фамилия – нет. Для постороннего наблюдателя прозвище кажется похожим на фамилию, но исследователю важно знать, что процесс появления фамилий у крестьян завершился только после паспортизации при советской власти. Рассмотренные нами примеры показывают, что и официальные документы, и мемуары могут быть в одинаковой степени достоверными, хотя и противоречащими друг другу.

ЛИТЕРАТУРА

- Агнцев, Дмитрий: 1889, *История Рязанской Духовной Семинарии*, Составил Дмитрий Агнцев, преподаватель Рязанской духовной семинарии, Рязань: [Попечительство о бедных воспитанниках Рязанской духовной семинарии].
- Архимандрит Павел – ‘Наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Павел’, *Московские церковные ведомости*, 1904, №10, 7 марта, с. 128–129.
- ГАРО – Государственный архив Рязанской области.
- Извеков, М.: 1901, ‘Разнофамильность в духовенстве и практические неудобства от ней’, *Калужские епархиальные ведомости*, № 22, с. 622–630.
- Кайдаш-Лакшина, С. Н.: 2012, ‘Загадка первой жены Александра Островского’, *Литературная Россия*, № 02/03, 20 января.
- Орлова, Г. И.: 2012, ‘Агафья Ивановна’, *А. Н. Островский: Энциклопедия*, Главный редактор и составитель И. А. Овчинина, Кострома; Шуя: Костромаиздат; ШГПУ, с. 12–13.

- Пимен: 1892, ‘О. архимандрит Павел, наместник Свято-Троицкия Сергиевы Лавры’, *Душеполезное чтение*, № 3, с. 433–451.
- Руководственные указы – *Руководственные для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода: 1721–1878 г.*, Москва: Типография М. Н. Лаврова и К°, 1879.
- Седов, Д. А.: 2007, ‘Настоятели и наместники Саввино-Сторожевского монастыря (биографические материалы), а также по истории Звенигорода и окрестностей’, *Саввинские чтения: Сборник трудов научной конференции по истории Звенигородского края*, Составитель Е. А. Белов, Москва; Звенигород: Северный паломник, вып. 1, с. 134–202.
- ЦГИАМ – Центральный государственный исторический архив г. Москвы.